

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СООБЩЕНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ КОЛЕЯ САМОССКОГО ДО ТАРТЕССА

Д. М. Камари

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
kamaridaniel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена спорному вопросу о достоверности рассказа Геродота о путешествии самосцев до Пиренейского полуострова. На это свидетельство античного автора очень часто ссылаются при рассмотрении ранних контактов греков с Пиренейским полуостровом, не задумываясь над степенью правдивости рассказа. Многие в этом отрывке вызывает сомнение, так как изложенные факты не совпадают с данными археологии и сведениями других источников. Вызывает любопытство и то, что, кроме Геродота, больше никто не упоминает о странствиях самосцев до Тартесса. На основе этих несоответствий автор делает вывод о полумифическом характере странствия самосца Колея до тартесской гавани.

Ключевые слова: самосцы, Геродот, Тартесс, фокейцы, Колей Самосский

ON THE RELIABILITY OF THE ACCOUNT OF COLEUS' TRAVEL TO TARTESSOS

Daniel M. Kamari

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kamaridaniel@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the controversial issue of the reliability of the Herodotus' account about Coleus' journey to the Iberian Peninsula. This passage is often referred to when early contacts of the Greeks with the Iberian Peninsula are discussed, regardless of the degree of the story's truthfulness. Much in this passage is doubtful, because it does not coincide with the data of archaeology and the information of other sources. It is curious that apart from Herodotus no one else mentions the travels of Samians to Tartessos. On the basis of these mismatches the author concludes that Coleus' travel to the Tartessian harbor is of mythical nature.

Keywords: Samians, Herodotus, Tartessos, Phocaeans, Coleus of Samos

Данные об авторе. Даниэль Михайлович Камари – преподаватель кафедры иностранных языков Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Из рассказа Геродота нам известно, что первым греком, который попал на Пиренейский полуостров морским путем, был Колей Самосский:

Вскоре после этого самосский корабль, шедший в Египет (владельцем корабля был Колей), был отнесен к этому острову¹. Узнав от Коробия всю его историю², самосцы оставили ему продовольствия на целый год. Сами же они снова вышли с острова в открытое море и направились в Египет. Однако восточным ветром их отнесло назад, и так как буря не стихала, то они, миновав Геракловы Столпы, с божественной помощью прибыли в Тартесс. Эта торговая гавань была в то время еще не известна эллинам. Поэтому из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня об этом есть достоверные сведения) больше всего прибыли, исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца (с ним-то ведь никто другой в этом не может состязаться)³.

На этот рассказ очень часто ссылаются как археологи, так и историки при рассмотрении ранних контактов ионийцев с Пиренейским полуостровом, в частности, в связи с путешествием самосского мореплавателя Колея, с которым связывают первые такие контакты. Его путешествие датируют приблизительно 640 или 630 г. до н.э.⁴, т.е. несколькими годами ранее основания Кирены в Ливии. Нет ни малейшего сомнения, что эту датировку по многим причинам сложно брать за основу при решении данного спорного вопроса.

За время изучения вопроса о ранних связях самосцев с тартессиями сложились две точки зрения. Сторонники первой, среди которых такие ученые, как А. Гарсиа-и-Беллидо и Р. Карпентер, ставят под сомнение достоверность рассказа Геродота. По мнению Гарсиа-и-Беллидо, путешествие самосцев носило полумифический характер, поскольку доплыть до Пиренейского полуострова, не причалив к Сицилии или югу Италии, невозможно⁵. Рис Карпентер считал, что рассказ Геродота имеет много общего с повествованием о странствиях Одиссея⁶. Такого же мнения придерживаются и некоторые современные испанские историки⁷. Сторонники же второй точки зрения, настаивая на историчности Колея, опираются на данные археологических раскопок, которые проводились на юге Пиренейского полуострова в 1980–1990-е годы⁸. Одним из первых, еще в середине 1960-х годов, достоверность Геродотова рассказа защищал

¹ Остров Платея (совр. Бомба) у ливийского берега, о котором рассказал ферейцам критянин Коробий, однажды отнесенный туда бурей (Hdt. IV. 151).

² Когда Коробий привез ферейцев на остров Платею, они «оставили его там, дав продовольствия на несколько месяцев. Сами же поспешно отплыли назад, чтобы рассказать согражданам» (Hdt. IV. 151; здесь и далее перевод Г.А. Стратановского).

³ Hdt. IV. 152: μετὰ δὲ ταῦτα νηὺς Σαμίη, τῆς ναύκληρος ἦν Κωλαῖος, πλέουσα ἐπ' Αἰγύπτου ἀπηνείχθη ἐς τὴν Πλατέαν ταύτην· πυθόμενοι δὲ οἱ Σάμιοι παρὰ τοῦ Κορωβίου τὸν πάντα λόγον, οἰτία οἱ ἐνιαυτοῦ καταλείπουσι. αὐτοὶ δὲ ἀναχθέντες ἐκ τῆς νήσου καὶ γλιχόμενοι Αἰγύπτου ἔπλεον, ἀποφερόμενοι ἀπληλιώτη ἀνέμῳ· καὶ οὐ γὰρ ἀνίει τὸ πνεῦμα, Ἡρακλέας στήλας διεκπερήσαντες ἀπίκοντο ἐς Ταρτησσόν, θεῖη πομπῆ ἡρεώμενοι. τὸ δὲ ἐμπόριον τοῦτο ἦν ἀκήρατον τοῦτον τὸν χρόνον, ὥστε ἀπονοστήσαντες οὗτοι ὀπίσω μέγιστα δὴ Ἑλλήνων πάντων τῶν ἡμεῖς ἀτρεκεῖην ἴδμεν ἐκ φορτίων ἐκέρδησαν, μετὰ γὰρ Σώστρατον τὸν Λαοδάμαντος Αἰγινήτην· τούτῳ γὰρ οὐκ οἶά τέ ἐστι ἐρίσαι ἄλλον.

⁴ Blázquez Martínez 1988, 11; Graham 1982, 139.

⁵ García y Bellido 1940, 58.

⁶ Carpenter 1958, 35–53.

⁷ Gómez Espelósín 1993, 151–162.

⁸ Cabrera Bonet 1988–1989, 43–100; Olmos 1986, 585–590.

Б. Фрейер-Шауэнбург⁹. Он утверждал, что изделия из слоновой кости, найденные в самосском Герайоне, были привезены самосцами с Пиренейского полуострова. Кстати, к сторонникам этой точки зрения относится и Ю. Б. Циркин: он отмечает, что Колей Самосский в тексте Геродота упоминается вместе с эгинцем Состратом, реальность существования которого подтверждает обнаруженный в Грависке (Этрурия) каменный якорь с надписью: 'Αλό|λων|ος Αί|γινά|τα ἐμ|ί Σόστ|ρατος | ἐλοί|σε ho | [---]¹⁰.

Действительно, самые ранние находки самосского происхождения в Испании датируются концом VII в. до н.э. С этого периода, по мнению П. Кабрера Бонет, налаживаются связи между ионийцами и Пиренейским полуостровом. Особенно отчетливо следы таких контактов видны по археологическому материалу из Серро дель Вильяр (Гуадалорсе). Там было обнаружено несколько черепков самосских амфор, расписанных в геометрическом стиле, фрагмент горла амфоры, относящиеся к VII–VI вв. до н.э., гидрия, которая предположительно была сделана в самосской мастерской. Нет сомнений в том, что все ионийские кубки стиля A1, A2 и B2 были изготовлены на острове Самос. Также самосская керамика представлена в Уэльве в виде фрагментов четырех амфор и нескольких ионийских кубков¹¹. Дело рук самосцев – уникальный кратер с изображением голов грифонов¹², который, по мнению П. Кабрера Бонет, был подарком местному вождю¹³. На юге Пиренейского полуострова были обнаружены надписи на греческом языке на черепках, которые встречаются также в Грависке и в Навкратисе¹⁴.

Тем не менее существуют факты, опровергающие возможность причислить Колея к числу исторических фигур, живших во второй половине VII в. до н.э. Стоит обратить внимание на то, что в рассказе Геродота говорится, что самосский корабль шел в сторону Египта, но случайным образом был отнесен к острову Платея, где побывали ферейцы (Hdt. IV. 151), впоследствии обосновавшиеся в Кирене. Торговые контакты между островом Самос и Египтом начались до начала правления Амасиса в первой половине VI в. до н.э. Однако только при Амасисе контакты с греками получают новый толчок. Это выразилось в том, что он предоставил эллинам для жительства город Навкратис (Hdt. II. 178). По данным Страбона, в более раннее время эта фактория была основана милетянами, которые «на 30 кораблях приплыли к Больбитинскому устью и, высадившись там, укрепили стеной упомянутое выше поселение, но с течением времени они поднялись вверх по реке до Саисского нома, нанесли поражение городу Инару в морском сражении и основали Навкратис немного выше Схедии» (Strabo. XVII. 1. 18; пер. Г. А. Стратановского). Тому свидетельством – ионийская керамика, обнаруженная при археологических раскопках в Египте, которая говорит о том, что именно со второй половины VII до н.э. налаживаются связи между ионийцами и египтянами. Подтверждения этого мы встречаем и у других античных авторов. Так, например, у Геродота приводится оракул о прибытии «медных людей» (карийцев и ионийцев), которые

⁹ Freyer-Schauenburg 1966, 89–107.

¹⁰ Tsirkin 2011, 101; Gianfrotta 1975, 311–318.

¹¹ Domínguez, Sánchez 2001, 24–25.

¹² По словам Геродота, изображения голов грифонов были и на медном кратере, который был посвящен самосцами в храм Геры (Hdt. IV. 152).

¹³ Cabrera Bonet 1988–1989, 49.

¹⁴ García Fernández *et al.* 2009, 93–103.

придут на помощь Псамметиху (Hdt. II. 152). Однако количество обнаруженной самосской керамики, датируемой с середины VII в. по VI в. до н.э., совсем невелико, также как и керамики из других городов Ионии¹⁵. Хотя, по данным Геродота, Колей вез в Египет немаленький по тем временам груз, общая стоимость которого равнялась 60 талантам.

Вторым, и не менее важным обстоятельством, на которое следует обратить внимание, является то, что история острова Самос в изложении Геродота разворачивается вокруг Поликрата, при котором наладились дружественные отношения с египетским царем Амасисом. Каменный якорь с именем эгинца Сострата был найден в греческом святилище в Грависке, построенном во второй половине VI в. до н.э. Сам якорь датируется более поздним временем — концом VI в. до н.э.¹⁶, а значит и сам Сострат скорее всего жил во второй половине VI в. до н.э. Из этого следует, что в одном рассказе переплетаются две разновременные традиции: с одной стороны, об обосновании ферейцев в Кирене (631 г. до н.э.), с другой стороны, о путешествии Колея Самосского.

По списку Евсевия, вслед за фокейской талассократией, концом которой можно считать битву при Алалии¹⁷, власть на море перешла к самосцам. Эти события происходили при отце Поликрата Эаке. Наивысшего расцвета Самос достиг уже при самом Поликрате. Он мог нанять к себе на службу лучших людей: Демокед, который, по словам Геродота, превзошел всех в искусстве врачевания, пошел к Поликрату, поскольку тот готов был платить ему больше, чем афиняне и эгинцы (Hdt. III. 131). На высоком уровне находилось и искусство. При дворе тирана жили и творили известные люди. Полумифический рассказ о Колее скорее всего был сочинен в это благополучное для Самоса время с целью прославить самосских мореплавателей и торговцев, что вполне отвечало экспансионистской политике, проводимой Поликратом. Конечно, возможно, что основой для этого послужили данные о спорадических контактах ионийцев с Пиренейским полуостровом в более ранний период. Но точно известно, что до Геродота этот рассказ дошел из уст жителей Самоса во время его пребывания на острове. Его информаторами, по всей видимости, были люди из высших аристократических кругов, такие же, как и он сам. На это указывает хорошее знание внутренней и внешней политической ситуации при Поликрате, точные сведения о количестве пожертвованных в храм Геры¹⁸. У Геродота отсутствовал какой-либо критический подход к приводимому материалу, и он сам утверждал: «что до меня, то мой долг передавать, все что рассказывают...» (Hdt. VII. 152). Отсюда следует, что аристократы донесли до Геродота сведения, которые их устраивали. В какой-то степени можно считать, что античный автор сознательно изложил то, что хотели рассказать местные аристократы. Более того, объяснение Геродотом попадания самосцев в Тартесс плохими погодными условиями, приведшими к отклонению корабля от его курса, является одним из популярных литературных приемов. Как уже успел отметить Карпентер, подобный прием

¹⁵ Schlotzhauer, Villing 2006, 53–68; Schlotzhauer 2006, 292–320.

¹⁶ Gianfrotta 1975, 311.

¹⁷ Ferngren 1966, 75; Mitchell 1975, 75–91.

¹⁸ Mitchell 1975, 75–91.

применял еще Гомер в «Одиссее» (IX. 82–84)¹⁹. Сходство можно проследить и по лексике: ἀφοφέρω или φέρω и ἄνεμος присутствуют и в рассказе о Колее Самосском, и в строках о странствиях Одиссея²⁰. Все это еще раз может свидетельствовать о том, что Геродот руководствовался определенными целями. Одной из них было привлечь внимание читателя удивительными и увлекательными рассказами, которыми переполнена работа галикарнасца.

Доказательства полумифического характера рассказа мы встречаем и там, где говорится, что Тартесс как торговая гавань не был до самосцев известен эллинам (Hdt. IV. 152). Создается впечатление, что, по мнению информаторов Геродота, до Колея Самосского эти земли были девственными, не подвергались никакому иноземному влиянию, а первопроходцами стали самосцы. В этом есть небольшое противоречие, так как сам Геродот в другом месте утверждал, что жители Фокеи были первыми среди эллинов, кто открыл побережья Тирсении, Иберии и Тартесса²¹.

Такого рода расхождения прежде всего говорят о том, что Геродот черпал информацию из разных источников и писал свой труд в течение длительного периода своих путешествий.

Неподалеку от Малаги, в Серро дель Вильяр, была обнаружена ионийская керамика, в частности и с острова Самос²². Первоначально это поселение принадлежало финикийцам. В VII–VI вв. до н.э. оно стало колонией, однако с конца VII в. до н.э. внимание финикийцев сосредоточилось на создании новых торгово-ремесленных центров²³ вокруг Малаки. Некоторые испанские археологи связывают этот процесс с социально-экономическими изменениями в финикийском обществе на Пиренейском полуострове, приведшими к появлению аристократии нового типа²⁴. С этим связывают и изменения в погребальном обряде, которые выразились в сооружении монументальных погребальных конструкций и исчезновении коллективных захоронений. С возрастанием роли Малаки туда переместилась часть населения Серро дель Вильяр. Одновременно в конце VII в. до н.э. наблюдается процесс прекращения жизнедеятельности на восточном побережье реки Гуадалорсе вплоть до римских времен. Пока что не совсем ясно, как социально-экономические изменения в VII в. до н.э. в финикийских городах сказались на политике по отношению к грекам. Конечно, ослабление финикийцев и перемещение их интересов к Малаке могли привести к появлению ионийцев. Однако самосскую керамику в Уэльву и в Серро дель Вильяр могли завезти и финикийцы из Сицилии, которые на тот момент поддерживали отношения с греками. Любопытно, что раскопки в Серро дель

¹⁹ Девять носили нас дней по обильному рыбою морю
Смертью грозящие ветры. В десятый же день мы приплыли
В край лотофагов, живущих одной лишь цветочною пищей.

(пер. В. В. Вересаева)

²⁰ Hom. *Od.* IX. 82–84: ἔνθεν δ' ἐννήμαρ φερόμην ὄλοσις ἀνέμοισιν / πόντον ἐπ' ἰχθυόεντα· ἀτὰρ δεκάτη ἐπέβημεν / γαίης Λωτοφάγων, οἳ τ' ἄνθινον εἶδαρ ἔδουσιν; Hdt. IV. 152: ἀποφερόμενοι ἀπληρώτῃ ἀνέμῳ· καὶ οὐ γὰρ ἀνίει τὸ πνεῦμα, Ἥρακλέας στήλας διεκπερήσαντες ἀλίκοντο ἐς Ταρτησσόν, θεῖη πομπῇ χρεώμενοι.

²¹ Hdt. I. 163: οἱ δὲ Φωκαῖεες οὗτοι ναυτιλίῃσι μακρῆσι πρῶτοι Ἑλλήνων ἐχρήσαντο... καὶ τὴν Τυρσηνὴν καὶ τὴν Ἰβηρίην καὶ τὸν Ταρτησσὸν οὗτοί εἰσι οἱ καταδέξαντες.

²² Cabrera Bonet 1991, 97–126.

²³ Delgado Hervás 2008, 81–82.

²⁴ López Castro 2006, 74–88; Delgado Hervás 2008, 81–82.

Вильяр показали, что на территории колонии находились жилые постройки, различавшиеся как по размерам, так и по планировке и внутреннему убранству; в них проживали разные социальные и этнические группы²⁵. Это дает некоторые основания полагать, что поселение Серро дель Вильяр было торговым пунктом, где проживали финикийцы и тартессии.

Как считает П. Дюпон, самосскую и ионийскую керамику в Западное Средиземноморье привозили фокейцы²⁶. Такого же мнения придерживается и П. Кабрера Бонет²⁷. Разумеется, роль фокейцев в экспорте товаров из греческих малоазийских городов была велика, но только в VI в. до н.э., т.е. после основания Массалии и Менаки. К тому же нельзя исключать возможность того, что вместе с фокейцами отправлялись самосские торговые агенты. Очень часто мы встречаем в источниках, как греки из разных городов совместными усилиями основывали колонии и вместе осуществляли торговые операции. Например, Павсаний сообщает о том, что «с самого начала Занклу захватили морские разбойники... они выстроили укрепление около гавани и пользовались им как своей базой для набегов на суше и на море. Их вождями были Кратемен с Самоса и Периэр из Халкиды. Впоследствии Периэр и Кратемен решили призвать других эллинов для заселения этой земли» (Paus. IV. 23. 7; пер. С. П. Кондратьева). С другой стороны, путешествие греков не представляется возможным, хотя бы потому что финикийцы и карфагеняне очень хорошо защищали зоны своего влияния. Некоторые античные авторы упоминают и о конфликте, который возник между карфагенянами и фокейцами после основания последними Массалии в Галлии. Среди них Фукидид, который сообщает, что «фокейцы, основавшие Массалию, ожидали карфагенян в морских битвах» (Thuc. I. 13). Очень похожее утверждает Юстин, рассказывая, что массалиоты не раз обращали в бегство войска карфагенян (Iust. XLIII. 5. 1). Павсаний приводит данные, согласно которым именно победа над карфагенянами позволила фокейцам обосноваться на земле, где находилась Массалия²⁸.

По всей видимости, карфагеняне тщательно защищали зоны своего влияния и владения от греков и других народов, например, этрусков, которые пытались захватить остров за Геракловыми Столпами, но потерпели неудачу (Diod. V. 20. 4).

Из рассматриваемого рассказа Геродота следует, что самосцы выручили около 60 талантов, из которых одна десятая часть (6 талантов) была потрачена на изготовление уникального медного сосуда, посвященного в храм Геры (Hdt. IV. 152). 60 талантов – достаточно крупная сумма, выручить которую можно было лишь за очень внушительный груз. А вероятность того, чтобы такая экспедиция самосцев осталась незамеченной финикийцами, незначительна.

²⁵ Delgado Hervás 2008, 81–82.

²⁶ Cook, Dupont 1998, 169.

²⁷ Cabrera Bonet 1988–1989, 43–100; Cabrera Bonet, Olmos Romera 1985, 61–74.

²⁸ Paus. X. 8. 6: οἱ δὲ Μεσσαλιῶται Φωκαέων εἰσὶν ἄλοικοι τῶν ἐν Ἴωνίᾳ, μοῖρα καὶ αὐτῆ τῶν ποτὲ Ἄρπυγον τὸν Μῆδον φυγόντων ἐκ Φωκαίας· γενόμενοι δὲ ναυσὶν ἐλικρατέστεροι Καρχηδονίων τήν τε γῆν ἦν ἔχουσιν ἐκτήσαντο καὶ ἐπὶ μέγα ἀφίκοντο εὐδαμονίας. – «Массалиоты – это колонисты из числа фокейцев, живших в Ионии, это тоже часть тех, которые бежали из Фокиды от мидянина Гарпага. Одержав победу своим флотом, более могущественным чем у карфагенян, они овладели той землей, на которой они живут и теперь, и достигли большого благополучия» (пер. С. П. Кондратьева).

Что касается Герайона, в который был посвящен медный сосуд, то он был восстановлен при Поликрате, т.е. во второй половине VI в. до н.э. Хотя раскопки на месте храма показали, что Герайон заново начали строить еще в первой половине VI в. до н.э. (570 г. до н.э.), но никак не в 631 г. до н.э., когда была основана Кирена. Такие контакты между самосцами и тартессиями могли осуществляться при царе Тартесса Арганфонии, который поддерживал отношения с фокейцами. Арганфоний умер до того, как фокейцы основали город под названием Алалия в 565 г. до н.э., т.е. за 20 лет до захвата Гарпагом Фокеи (Hdt. I. 164–165). Поэтому если даже контакты и были, то только при жизни Арганфония и после основания Менаки, которая могла служить плацдармом для переброски товаров в более отдаленные западные земли. Во всяком случае нет никаких оснований полагать, что самосцы раньше фокейцев установили связи с Тартессом.

Итак, полумифический рассказ о путешествии Колея Самосского, появившийся во времена Поликрата, дошел до Геродота, вероятно, из уст местных аристократов во время пребывания историка на острове Самос. Кроме как у Геродота, информация о том, что самосцы попали на юг Пиренейского полуострова до обоснования фокейцев в Массалии и Менаке, не встречается более ни у кого. Да и данные, приводимые Геродотом, вызывают некоторые сомнения хотя бы потому, что в одном месте он утверждает, что первыми открыли Тартесс самосцы, а в другом – что фокейцы. Тем не менее эти сведения были основаны на спорадических прямых и опосредованных контактах между ионийцами и жителями Испании, где роль посредников выполняли сначала финикийцы. Об этом свидетельствует керамика самосского происхождения в Серро дель Вильяр и в Уэльве, где находились финикийцы и их колонии.

Литература / References

- Blázquez Martínez, J.M. 1988: Los griegos en la Península Ibérica. Siglos VII–V a.C. Analogías con la colonización griega en el mar Negro. Colquida. *Anejos de Gerión* 1, 9–18.
- Cook, R.M., Dupont. P. 1998: *East Greek Pottery*. London –New York.
- Cabrera Bonet, P., Olmos Romera. R. 1985: Die Griechen in Huelva: zum Stand der Discussion. *Madridrer Mitteilungen* 26, 61–74.
- Cabrera Bonet, P. 1988–1989: El comercio focceo en Huelva: cronología y fisionomía. *Huelva Arqueológica* X–XI, 43–100.
- Cabrera Bonet, P. 1991: Importaciones arcaicas del Cerro del Villar (Guadalhorce, Málaga). *Huelva arqueológica* 13, 97–126.
- Carpenter, R. 1958: Phoenicians in the West. *American Journal of Archaeology* 62, 35–53.
- Delgado Hervás, A. 2008: Cerro del Villar, de enclave commercial a periferia urbana: dinámicas coloniales en la bahía de Málaga entre los siglos VIII y VI a.C. In: D. Garcia i Rubert, I. Moreno Martínez., F. Gracia Alonso (eds), *Contactes. Indígenes i fenicis a la Mediterrània occidental entre els segles VIII i VI a.n.e.* [Barcelona], 69–88.
- Domínguez, A.J., Sánchez, C. 2001: *Greek pottery from the Iberian Peninsula: Archaic and Classical Periods*. Ed. by G. Tsatskheladze. Leiden–Boston–Köln.
- Ferngren, G.B. *A history of Samos to the Persian War*. MA Diss. Vancouver., 1966.
- Freyer-Schauenburg, B. 1966: Kolaïos und die westphoenizischen Elfenbeine. *Madridrer Meitelungen* 7, 89–107.
- García y Bellido, A. 1940: La colonización phókaiia en España desde los orígenes hasta la batalla de Alalia (siglo VII a 535). *Ampurias* 2, 55–83.
- García Fernández, M., Domínguez Monedero, A., González de Canales, F., Serrano Pichardo, L., Llompart Gómez, J. 2009: Una inscripción griega arcaica hallada en el Cabezo de San Pedro (Huelva). *SPAL. Revista de Prehistoria y Arqueología. Universidad de Sevilla* 18, 93–103.
- Gianfrotta, P.A. 1975: Le ancore votive di Sostrato di Egina e di Faillo di Crotona. *La parola del passato* 30/163, 311–318.

- Gómez Espelosín, F. 1993: Heródoto, Coleo y la Historia de la España Antigua. *POLIS: Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica* 5, 151–162.
- Graham, A.J. 1982: The Colonial Expansion of Greece. In: J. Bordman, N.G.L. Hammond (eds), *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. III. 3. Cambridge, 83–162.
- López Castro, J.L. 2006: Colonials, merchants and alabaster vases: the Western Phoenician aristocracy. *Antiquity* 80, 74–88.
- Mitchell, B.M. 1975: Herodotus and Samos. *Journal of Hellenic Studies* 95, 75–91.
- Olmos, R. 1986: Los griegos en Tarteso: replantamiento arqueológico-histórico del problema. *Homenaje a Luis Siret (Cuevas de Almanzora, 1984)*. Sevilla, 585–590.
- Schlottzhauer, U. 2006: Griechen in der Fremde: Wer weihte in die Filialheiligtümern der Samier und Milesier in Naukratis? In: A. Naso (ed.), *Stranieri e non cittadini nei santuari greci. Atti del convegno Udine*. Firenze, 292–324.
- Schlottzhauer U., Villing A. 2006: East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research. In: *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London, 53–68.
- Tsirkin, Yu.B. 2011: *Istoriya drevney Ispanii [History of Ancient Spain]*. Saint Petersburg. Циркин, Ю.Б. *История древней Испании*. СПб.